

О ФОРМИРОВАНИИ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

В.В. Каргина

Институт экономики ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр РАН», vkarginowa@yandex.ru

Термин «парадигма» восходит к трудам древнегреческих учёных, в частности, Платона, который в своём трактате «Тимей» использовал данное понятие для обозначения «основополагающего первообраза», соотношения идей и вещей [1, с. 489]. В рамках философии науки понятие стало широко использоваться благодаря Томасу Сэмюэлю Куну. Он рассматривал развитие науки как прерывистый процесс: от одного целостного состояния (парадигмы) к другому через революцию [2]. В соответствии с этим, парадигму определяют как совокупность научных достижений (представлений, ценностей, средств и т.д.), разделяемых научным сообществом и используемых для решения текущих проблем.

Происходящая глоборегионализация и, как следствие, усложнение производственно–хозяйственных связей, большая связанность и взаимозависимость процессов и явлений определили важность вопросов экономической безопасности для устойчивого развития регионов. Однако парадигма их изучения на настоящий момент не сформирована.

Целью данной работы является критический анализ научных теорий, составляющих основу исследования экономической безопасности региона, и определение потенциальных направлений синтеза с другими подходами.

Несмотря на сосуществование множества школ, экономическую теорию можно представить в виде матёшки: в центре – ядро мейнстрима (основного течения), далее мейнстрим и общая экономическая теория [3].

В качестве ядра мейнстрима сегодня выделяют неоклассическое направление, базирующееся на моделях экономического равновесия и рациональности агентов. Популярность неоклассики объясняется универсальностью методик и концепций, однако они плохо пригодны для анализа динамики, особенностей наций и исторического контекста [4]. В качестве мейнстрима, не являющегося ядром, в 1960–х годах выступало кейнсианство, в 1970–х – монетаризм, а затем новая классическая макроэкономика. С 1980–х годов в мейнстрим вошёл новый институционализм. Общая экономическая теория включает экономические школы, находящиеся на стыке общественных наук, например, экономики и социологии, экономики и психологии: старый институционализм, поведенческую экономику и т.д. [3].

Вышеприведенная матрёшка отражает и когнитивно–дискурсивные рамки исследования региональной экономической безопасности. Неоклассическая теория выступает онтологической основой достижения экономической безопасности [5]. При этом самоорганизованная критичность рынков – их неконтролируемое развитие, неизбежно приводящее к системному кризису [6] – делает несостоятельным подход неоклассики к равновесию как конечной точке анализа [5]. Целесообразно проведение аналогий с физическими объектами, чья самоорганизованная критичность изучена лучше (в частности, с наноструктурами, для оценки качества которых используются показатели энтропии [7]). Это возможно в рамках эконофизики [8]. Энтропия позволяет идентифицировать риски [9], а основанный на ней индекс Тейла – факторы безопасности [10].

Неоклассика также предполагает рациональность экономических субъектов и стабильность их предпочтений. Несоответствие данной предпосылки действительности [5] обеспечивает первоочередное внимание и к таким направлениям общей экономической теории, как нейроэкономика и связанной с ней поведенческой экономике. Нейроэкономика представляет в первую очередь синтез нейробиологии, экономики и социальной психологии. Данная дисциплина фокусируется на

изучении механизмов принятия решения [11]. Именно нейроэкономика объяснила, почему индивиды более склонны к риску, если он затрагивает ранее выигранные деньги или предоставляется шанс компенсировать предыдущие потери. Это связано с повышением активности эмоциональных процессов мозга при одновременном её снижении в переговорах.

Использование функциональной магнитно-резонансной томографии позволит понять ряд поведенческих феноменов, совершенствовать в рамках экономики модели индивидов для достижения их безопасности и безопасности их среды. Однако вопрос о целесообразности изучения феноменов поведения для экономики остаётся открытым [12].

При этом особенности поведенческой экономики определяют требования к тестированию гипотез на основе не фальсификационизма Карла Поппера, а верификации Рудольфа Карнапа. Возникает необходимость эмпирически тестируемых гипотез, что к теории о несклонности к неравенству отмечали Кеннет Бинмор и Авнер Шакед [13].

В определённой мере это соответствует общемировым тенденциям развития экономической теории. По мнению Брюса Колдуэлла, в рамках принципов фальсификационизма несостоятельны большинство экономических теорий. Поэтому Б. Колдуэлл придерживался позиции «методологического плюрализма»: критика экономических теорий возможна лишь по критериям, признаваемым сформулировавшей теорию школой. Соответственно, Б. Колдуэлл предлагает осуществлять проверку теорий с помощью более мягкого конформационизма: экономические теории должны предполагать возможность проверки, а на основе степени подтверждения можно строить их относительную иерархию [14].

Вышеизложенное показывает ограниченность существующей парадигмы изучения экономической безопасности регионов и целесообразность обращения к математическому аппарату экономики и методам нейроэкономики. Можно предположить, что теории будут верифицироваться и ранжироваться в рамках конформационизма.

Список использованных источников:

1. Платон. Сочинения / Платон; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Академия наук СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – 684 с.
2. Kuhn, T.S. The Structure of Scientific Revolutions / T.S. Kuhn. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 264 p.
3. Автономов, В.С. Методологические проблемы современной экономической науки / В.С. Автономов // Вестник Российской академии наук. – 2006. – Т. 76. – №3. – С. 203–208.
4. Чухно, А.А. Современные экономические теории / А.А. Чухно, П.И. Юхименко, П.М. Леоненко; под ред. А.А. Чухно. – М.: Знания, 2007. – 878 с.
5. Чекмарев, В.В. Неоклассическая экономическая наука и социокультурные особенности обеспечения экономической безопасности регионов России / В.В. Чекмарев // Экономика образования. – 2015. – №1. – С. 90–95.
6. Bouchaud, J.–P. Economics needs a scientific revolution / J.–P. Bouchaud // Nature. – 2008. – Vol. 455. – P. 1181.
7. Волков, А.В. Энтропийные модели микро- и наноструктур / А.В. Волков, И.Н. Еремина, А.Г. Саноян. – Самара: Издательство Самарского государственного аэрокосмического университета, 2007. – 80 с.
8. Mantenga, R.N. An Introduction to Econophysics: Correlations and Complexity in Finance / R.N. Mantenga, H.E. Stanley. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 147 p.
9. Каргинова, В.В. Энтропия как фактор дифференциации пространственного развития территорий / В.В. Каргинова // Труды XIV Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии, посвящённой 100-летию со дня рождения акад. АН СССР А.В. Сидоренко и д.г.-м.н. И.В. Белькова. Апатиты, 3–4 апреля 2017 г. / Гл. ред. Ю.Л. Войтеховский. – Апатиты: КНЦ РАН, 2017. – С. 515–518.
10. Каргинова, В.В. Факторы реализации потенциала и достижения экономической безопасности региона / В.В. Каргинова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2017. – №11 (157). – С. 19–24.
11. Glimcher, P.W. Neuroeconomics: the consilience of brain and decision / P.W. Glimcher, A. Rustichini // Science. – 2004. – №306. – pp. 447–452.
12. Пескова, А.В. Нейроэкономика и поведенческая экономика: источники синтеза / А.В. Пескова, М.С. Ковалевская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2016. – Т. 10. – №3. – С. 18–25.

13. Binmore K. Experimental economics: Where next? / K. Binmore, A. Shaked // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2010. – Vol. 73. – №1. – pp. 87–100.

14. Caldwell, B. Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century / B. Caldwell. – London: Allen and Unwin, 1982.